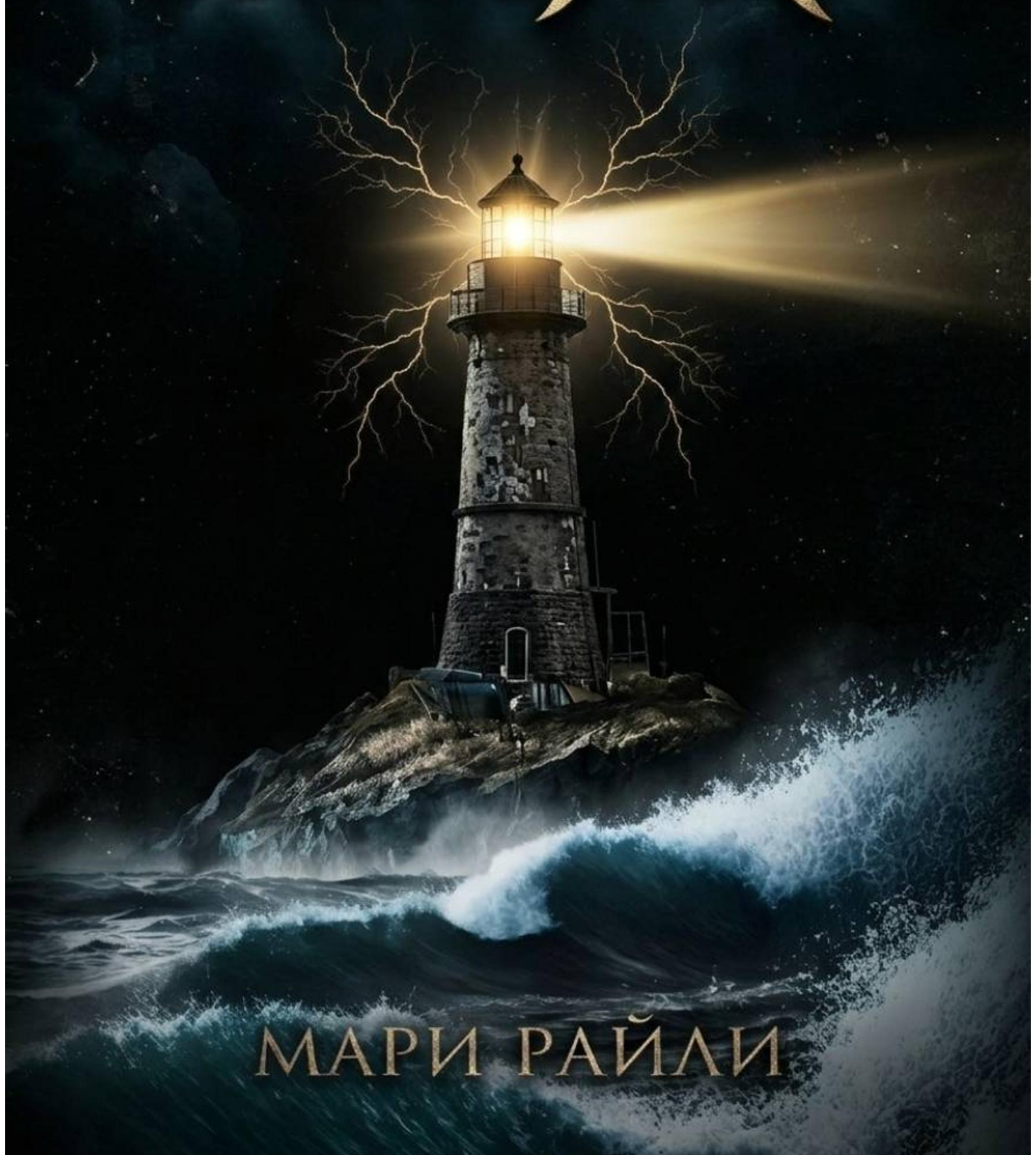

МАЯК

МАРИ РАЙЛИ

Мари Райли

Маяк

«Автор»

2026

Райли М.

Маяк / М. Райли — «Автор», 2026

В холодных водах у берегов Мэна стоит заброшенный маяк. Семь незнакомцев ступают на его каменный пол, и дверь захлопывается за ними, как крышка гроба. Правила просты: семь дней, каждый вечер — голосование. Тот, кто наберёт больше всех, уходит. Без денег. Без славы. На вертолёте, который унесёт его в никуда. В первую же ночь они слышат шаги на верхних ярусах. Кто-то ходит там, где никого не должно быть. Чтобы выжить, им придётся договориться. Но как доверять тем, кого ты должен предать? Голосование неумолимо. Игра превращается в отчаянную гонку, где цена ошибки — не просто смерть. Цена ошибки — остаться на маяке навсегда.

© Райли М., 2026

© Автор, 2026

Мари Райли

Маяк

Глава 1

Семь человек. Семь причин сказать «да». Один маяк в океане. И один миллион долларов для того, кто останется последним.

Правила простые. Семь дней. Каждый вечер — голосование. Тот, кто набрал больше всех голосов — покидает игру, садится в вертолет и летит домой. Без денег. Без славы. Униженный и оскорбленный.

Никакой постановы. Никаких сценариев. Никто не диктует им, что делать. И уж поверьте, никто не придет им на помощь. Только они — наша великолепная семерка, маяк и океан вокруг.

Кто-то здесь ради денег. Кто-то — чтобы доказать самому себе, на что он способен. Кто-то ищет популярности. А кто-то сбегает от прошлого. Но на маяке от себя не сбежишь.

Они не знают, что их ждет. Мы не знаем. Никто не знает.

Будет страшно. Будет грязно. Будет то, о чем они не расскажут никому.

Но вы увидите все.

Смотрите. Комментируйте. Делайте ставки. Кто станет первым изгоем? Кто дойдет до конца? Кто заплатит за этот миллион самую высокую цену?

Все по-настоящему. Только океан. Только маяк. Только одна неделя, которая изменит все.

«Семь дней до миллиона». Начинаем.

Познакомьтесь с героями до того, как приступите к чтению.

Норман прибыл в терминал первым из семерки. Наручные часы — наследство отца — показывали 5:47 утра. Солнце даже не думало вставать. Норман оглядел ангар с высокими облупившимися стенами, прищурив глаза из-за тусклого тошнотно-желтого света от свисающих и раскачивающихся под силой сквозняка ламп. Здесь воняло керосином. Точно так же пахло в Афганистане, когда заправляли грузовики, в которые парни — большинству из них не было больше двадцати пяти — садились и ехали на верную гибель. Норман был одним из них. Просто ему повезло чуть больше. Если это можно назвать везением.

Военная выправка мгновенно выдавала в Нормане бывшего служивца, стоило ему с кем-нибудь заговорить. Люди начинали боголепно восхищаться. Мужчины — уважительно кивать. Женщины — заигрывать. У большинства из них на пальце вызывающе красовалось обручальное кольцо. В какой-то момент Норман перестал испытывать к этому отвращение, и стал ощущать только тупое смирение.

В 5:53 сзади слышались шаги. Уверенный стук каблуков эхом отдавался в высоких потолках ангара. Норман обернулся, продолжая пребывать в своей излюбленной позе — твердые ноги на ширине плеч, руки скрещены на мощной груди.

В его сторону двигалась высокая брюнетка. На вид — тут же начал анализировать Норман — от тридцати пяти до сорока. Походка твердая. Взгляд уверенный. Возможно он забежал вперед, но, кажется, на горизонте появилась первая конкурентка, которая могла побороться с ним за миллион.

— Мэрион Уитмор, — подойдя к Норману, женщина протянула ладонь.

— Норман Хокинс, — он ее пожал.

И тут Мэрион расплылась такой доброжелательной улыбкой, что Норман на мгновение растерялся. Образ самоуверенной и, возможно, высокомерной американки, которая топчет мужчин на своем пути и восхваляет феминизм, собранный в голове Нормана из первых впечатлений, рассыпался, как карточный домик. Темные глаза Мэрион блеснули. Она сделала шаг назад, спрятала ладони в карманах кожаной куртки.

— Я так понимаю, мы — самые ранние пташки, — хмыкнула женщина и начала внимательно рассматривать ангар.

— На счет ранних не знаю, — Норман снова посмотрел на часы. — Но пунктуальные — это да.

— Не стоит сбрасывать со счетов остальных, — донесся веселый женский голос. Норман и Мэрион одновременно посмотрели на входную дверь.

На пороге показались трое. Молодая девушка выделялась на фоне своих компаньонов выкрашенными в вызывающий розовый волосами. Одета она была явно не по погоде. Короткий топ едва дотягивал до пупка — в нем поблескивала аккуратная серьга. Черные обтягивающие брюки низко сидели на узких бедрах. На ключице красовалась какая-то миниатюрная татуировка. Эту девушку, как позже узнал Норман, звали Джун. Войдя в ангар, она тут же начала снимать все происходящее на телефон. Норман и Мэрион переглянулись с одинаковыми выражениями на лицах — каждый из них до этого думал о том, что без недоблогеров это шоу не обойдется, и сейчас каждый из них осознал, что был прав.

Вместе с Джун прибыл и Клод Найт. Клод был низкорослым стариком с седыми местами поредевшими волосами. Подойдя к Норману, он, как и Мэрион, протянул руку, представился, а после на его лице появилась такая широкая, обворожительная улыбка, что большинство из присутствующих, сами того не замечая, на автомате улыбнулись в ответ. Клод создавал впечатление милого божьего одуванчика, и только Мэрион почему-то не поддалась на его обольстительность — она осталась следить за происходящим в стороне.

Третьим человеком был священник.

Однозначно этого не ожидал никто. Норман растерялся при виде этого человека, не до конца понимая, как стоит себя сейчас вести. Мэрион усмехнулась. А Джун беспечно отрапортовала:

— Это Сэмми.

«Сэмми», несмотря на свое имя, имел в роду явные азиатские корни. На вид ему было лет тридцать, не больше. Он как-то осуждающе посмотрел в сторону Джун, уже отвлекшейся на что-то другое и продолжающую снимать, и холодно поправил:

— Отец Сэмюель, если быть точнее.

Норман поджал губы, явно не найдя слов в ответ, чему-то кивнул и развернулся спиной ко входу. Снова стук каблуков. На этот раз Мэрион совершенно не спеша подошла к нему, автоматически отзеркалила его позу и насмешливо повела глазами в сторону священника.

— Как думаете, — заговорщицким шепотом обратилась Мэрион к Норману, — а что могло толкнуть святого отца на участие в реалити? Я была уверена, что таким достаточно того, что дал бог.

«Какое богохульство», — пронесли в голове Нормана давние слова матери. Вслух же он, подражая тону Мэрион, ответил:

— Возможно, полномочия бога заканчиваются там, где в ход идут шесть нулей.

Это Норман знал, как никто другой. Он не мог назвать себя верующим человеком — война выжгла из него все святое, — но два года назад он начал молиться. Его дочь звали Анна. Когда Анне исполнилось полгода, ей диагностировали спинальную мышечную атрофию. Появилась необходимость в дополнительном заработке. Норман подписал контракт и отправился прямиком в Афганистан.

Лечение стоило сперва сотни тысяч. Затем сумма перевалила за миллион. Каждый курс терапии давал Анне несколько месяцев жизни. Затем она слабела вновь. К семи годам Анна не могла самостоятельно держать голову, практически разучилась издавать какие-либо звуки. У Нормана тем временем очередное задание, взрыв, контузия. Два месяца в госпитале, диагностированная черепно-мозговая травма, посттравматическое стрессовое расстройство, потеря слуха на левое ухо. Контракт по состоянию здоровья был расторгнут досрочно.

Сбережений хватило на год. И этот год Норман не сидел сложа руки — он оббивал пороги офисов, охранных предприятий, пытаясь найти хоть какой-то дополнительный заработок к своей пенсии. Только почему-то людей с ПТСР не особо жалуют. Слишком... непредсказуемые? Взрывные? Сколько Норман не пытался найти объяснение, он так его и не находил.

Норман строил, грузил. Деньги уходили на терапию Анны. А затем очередной удар — поддерживающая терапия перестала давать свои плоды. Единственный вариант — какой-то генный препарат. Два миллиона долларов.

Норман с женой продали пикап, отцовский дом, заняли у родственников и друзей столько, сколько смогли. Но и этого было недостаточно. Молитвы и вовсе никак не помогали. В какой-то из таких вечеров, проведенных в слезах на коленях, Норман мысленно выругался, не понимая, где же этот бог, когда так нужен. Наутро он нашел в почтовом ящике объявление о наборе в реалити-шоу. «7 дней до миллиона». Норман не был уверен даже на десять процентов, что это может сработать, но все же оставил заявку на сайте. Ему перезвонили. И вот он здесь.

6:10. Их до сих пор пятеро. Норман огляделся. Мэрион подпирала стену, не спуская внимательных глаз со старика. Ладони все еще спрятаны в карманы. Неужели в нем она видит конкурента? До чего смешно. Клод тем временем прошагал к груде ящиков, уселся на один из них и с мучительной гримасой стал потирать колено. Джун обошла, кажется, уже весь ангар, сняла каждый закоулок и теперь, приблизив телефон близко к лицу, пересматривала материал, улыбаясь, как дурочка. Священник не сдвинулся с места. Его глаза были прикрыты, а пальцы почти незаметно перебирали четки.

Норман уже было двинулся в сторону Мэрион, чтобы обсудить тот факт, что вместо семи участников прибыло лишь пятеро, как с лязгом вновь открылась дверь. Все, как по команде, обернулись. На пороге в свете всходящего солнца стоял невысокий коренастый мужчина в черной футболке с логотипом шоу — маяк, пронзающий лучом цифру «7». На голове — красная бейсболка. В руках — планшет.

— Доброе утро, — нараспев протянул мужчина, и голос его, на удивление, оказался приятным. — Прошу прощения за задержку. Технические неполадки, сами понимаете. Ничего страшного, мы все нагоним. А я гляжу, еще не все в сборе?

Он прошел в центр ангара, жестом приглашая присутствующих следовать за ним. Норман вновь переглянулся с Мэрион — та коротко пожала плечами и усмехнулась.

— Меня зовут Рик, я буду вашим куратором. Если у вас возникнут вопросы, задавайте их мне. Если появятся какие-то проблемы — тоже ко мне. Если возникнет желание кого-то придушить, не надо, мы ведь все цивилизованные люди, — он рассмеялся, но ни один из участников не последовал его примеру, лишь глупая улыбка мелькнула на лице Джун.

Рик провел участников в конец ангара, где таилась совсем непримечательная дверь.

— Пройдемте, — продолжал тараторить куратор. — Нам стоит провести инструктаж и расписаться. Вы ведь еще не заключали никаких договоров?

— А будут договоры? — удивленно спросила Джун.

— Конечно, милочка, — улыбнулся Рик и, повернувшись к девушке, щелкнул ее по носу. — А это, — он ловко вырвал из рук Джун телефон, — больше вам не пригодится. Все мобильные устройства вы оставите здесь.

Комнатка оказалась тесной. В центре стоял круглый стол из темного дерева — слишком большой для такого помещения, вокруг него — шесть стульев. На столешнице лежал ноутбук, от которого тянулись провода к небольшому проектору, нацеленному на белую стену. Рик указал на стулья.

— Присаживайтесь, пожалуйста. Уютно, правда?

— Как дома, — отозвалась Мэрион. Если бы Норман не заметил, каким презрительным взглядом брюнетка до этого обвела комнату, он бы принял ее слова за чистую монету.

Норман сел так, чтобы видеть дверь. Мэрион заняла место по его правую руку. Слева, кряхтя и прихрамывая на одну ногу, приземлился Клод. За ним — Джун. Священник занял стул подальше от всех. По его смиренному и отстраненному виду создавалось впечатление, что он не видит разницы между церковной службой и участием в реальности.

Рик обошел стол, встал у проектора и щелкнул пальцами. На стене загорелось изображение — тот же стилизованный маяк с цифрой «7», в этот раз пульсирующий, словно сердце.

В следующее мгновение дверь распахнулась, и внутрь влетела светловолосая девушка. Она, видимо, торопясь, не рассчитала скорости и врезалась в близстоящий стул. Священник, едва не попавший под огонь, резко вскочил на ноги и дернулся в сторону.

— Мисс Куинн! — радостно воскликнул Рик и поспешил к девушке, помогая ей восстановить равновесие. — Добро пожаловать!

Норман взглянул на часы. 6:16. Эта самая мисс Куинн вовсе не создавала впечатление несобранного человека. Почему же она опоздала? Норман повернул голову направо и по внимательному выражению лица Мэрион понял, что не один задался этим вопросом.

Почему она всех анализирует? Ладно он. Он служил. В свое время ему было жизненно необходимо проводить такие анализы поведения. Но что толкает на это Мэрион?

Мисс Куинн поправила свой свитер, перекинула светлые волосы за спину и присела на тот самый стул, который несколько секунд назад сама же и снесла. Голубые глаза пробежали по присутствующим.

— Грейс, — представилась она. Рик тем временем вернулся на свое место.

— Итак, — куратор сложил руки на груди. — Вы здесь, потому что хотите миллион долларов. Я здесь, потому что хочу, чтобы вы его получили. Ну, кто-то один из вас. Правила просты, и я покажу вам их прямо сейчас.

Он нажал кнопку на ноутбуке. На стене появилось видео. Хорошо смонтированный ролик — динамичный, с быстрыми сменами кадров, рвущимися барабанами и голосом диктора за кадром. Норман смотрел, сжав челюсти. Семь дней. Голосование. Туман. Вертолет. Слишком просто для миллиона, не находите? Здесь явно был подвох. И Норман понимал, что никто в Америке не станет смотреть скучное реалити о том, как семерка обнищавших идиотов пытается выжить неделю на маяке. В конце концов, эту неделю можно прожить без еды спокойно. Без воды, конечно, сложнее. И Норман понимал, что им устроят тот еще квест. Это ведь шоу, верно?

Ролик закончился. Рик выключил проектор и развернулся к участникам, широко улыбаясь.

— Вопросы?

— У меня вопрос, — Мэрион уверенно подала голос первой, как и ожидал Норман. — В ролике сказано, что вылетающий покидает игру и садится в вертолет. А если погода не позволит вертолету сесть?

Рик кивнул, будто ожидал этого вопроса.

— У нас есть запасной план на любой случай. Не переживайте. Вы будете в безопасности.

— А если я откажусь голосовать? — спросил Клод, скучающе теребя край столешницы.

Рик посмотрел на него с легким прищуром.

— Если вы не голосуете, то вылетаете автоматически. Но я не думаю, что до этого дойдет. Вы все слишком умные, чтобы проигнорировать правила. Не так ли?

Никто не ответил.

— Есть еще вопросы? — Рик обвел всех взглядом. — Или мы летим на маяк?

— У меня есть, — тихо произнес Сэмюель. Все повернулись к нему. Его голос звучал ровно, почти гипнотически. — Что, если кто-то из нас умрет до окончания игры?

В комнате повисла тишина. Рик застыл на мгновение, затем улыбнулся — чуть шире, чем нужно.

— Отец Сэмюель, мы делаем все, чтобы наши участники были в полной безопасности. Мы не допустим, чтобы кто-то погиб. Наша репутация — это все, что у нас есть.

Сэмюель смотрел на него неподвижным взглядом.

— Я просто хотел уточнить правила, — сказал он. — Для бога нет ничего невозможного.

Рик перевел дыхание и громко хлопнул в ладоши.

— Отлично! Еще вопросы? Нет? Тогда...

Быстрый, нервный топот. Снова открылась дверь. На пороге появился парень лет восемнадцати. Высокий, щуплый с темными волосами до плеч. Он спешил — это было понятно по тяжело вздымающейся груди, — но почему-то напустил на лицо безразличную гримасу.

— А вот и последний участник! — радостно воскликнул Рик. — Познакомьтесь, Уолтер.

Все сдержанно кивнули, и только Джун излишне приветливо заулыбалась и замахала ладонью. Уолтер посмотрел на нее как на дуру.

— Куда мне сесть? — Уолтер оглядел круглый стол и, не найдя ни одного лишнего стула, вопросительно уставился на Рика.

— Вы опоздали, молодой человек, осталось подписать контракт, и мы выдвигаемся на вертолет.

Откуда-то Рик достал стопку документов и начал раздавать каждому участнику по экземпляру. По комнате поползло шуршание бумаги. Норман не спешил подписывать. Он внимательно, но довольно бегло стал читать документ, который состоял из четырех страниц, напечатанных слишком мелким шрифтом.

— Вы можете ознакомиться с контрактом здесь и сейчас, — голос Рика начал звучать почти скучающе. — Или вы можете ознакомиться с ним позже. Но подписать нужно до вылета. Это обязательное условие. Вылет, посмею напомнить, через семь минут.

Норман задумчиво свел брови. Первая страница — стандартные юридические формулировки: стороны, предмет соглашения, сроки действия. Всё как обычно. Но на второй странице он остановился.

«Участник настоящим подтверждает, что осознает все возможные риски, включая, но не ограничиваясь: физические травмы, психологические расстройства, временную или полную потерю связи с внешним миром, воздействие неблагоприятных погодных условий, а также иные факторы, не зависящие от Организатора. Участник добровольно принимает на себя все указанные риски и не имеет права предъявлять претензии Организатору, его партнерам и третьим лицам в случае наступления любых последствий, включая смерть».

Норман перечитал последнюю строчку дважды. «Включая смерть». Он поднял глаза на Рика. Тот стоял у двери, сложив руки за спиной, и наблюдал за ними с видом школьного учителя. Норман хотел задать вопрос, но передумал. Анна. Два миллиона. Смерть — это просто слова на бумаге. Он видел смерть вживую. Он знал её лицо. Она была страшнее, чем любой пункт в контракте.

Они все-таки устроят шоу.

Норман посмотрел на остальных. Мэрион читала быстро, как юрист, в котором проснулся профессионал. Ее взгляд бегал по строкам, останавливаясь на ключевых словах. Губы шевелились — она проговаривала сложные термины про себя. Норман заметил, как ее палец уперся в один из пунктов и замер на мгновение. Потом она с легкостью перевернула страницу и продолжила.

Клод держал контракт на вытянутых руках, прищурившись. Его губы были сжаты в тонкую линию. Несколько раз он перечитывал одну и ту же строчку, двигая пальцем по тексту, будто боялся пропустить что-то важное. На его лице не было улыбки — привычная маска обаятельного старика исчезла.

Джун листала контракт, по-видимому, даже не читая. Она крутила листы в руках, рассматривая их как нечто новое и забавное. Время от времени она поднимала глаза и смотрела на Рика с улыбкой, которая, казалось, вот-вот превратится в вопрос: «А это что за игрушка такая?»

— Тут написано, — наконец заговорила Джун, — что я не могу предъявить претензии в случае смерти. А если я просто упаду и сломаю ногу? Это считается?

Рик усмехнулся.

— Страховка покрывает медицинские расходы, Джун. Но если ты сломаешь ногу, ты выбываешь из игры. Это логично.

Джун нахмурилась, но промолчала.

Грейс читала молча, держа контракт обеими руками, будто это был хрупкий артефакт. Её глаза медленно двигались по строкам — она читала каждое слово, а не просто пробежала взглядом. Норман заметил, как на одной из страниц она слегка нахмурилась, потом перечитала абзац, затем перевернула страницу. Она будто искала что-то конкретное.

— У вас есть ручка? — спросила Грейс, не поднимая глаз.

Рик протянул ей чёрную гелевую ручку. Она взяла её, придержала контракт пальцами и, чуть замешкавшись, поставила свою подпись. «Грейс Куинн».

Норман перевёл взгляд на Сэмюеля. Священник не читал контракт. Он смотрел на него, держа в одной руке, словно молитвенник. Пальцы свободной руки снова перебирали четки.

— Мне не нужно читать, — тихо сказал Сэмюель, — чтобы знать, что подписываю.

Рик приподнял бровь.

— Я бы посоветовал вам ознакомиться, отец Сэмюель. Это юридически важный документ.

Сэмюель медленно поднял взгляд и посмотрел на Рика. Его глаза были не просто чёрными — они казались бездонными, как колодец, в который кто-то давно уронил свет и забыл его оттуда достать.

— Я ставлю свою подпись не за деньги, — сказал он. — Я подписываю этот контракт, потому что Господь привёл меня сюда. Он знает, что я делаю. И этого достаточно.

Норман хмыкнул, изогнув губы. Неделька обещает быть веселой.

Рик на мгновение растерялся, но быстро взял себя в руки.

— Отличная философия, отец, — кивнул он. — Ручка есть.

Сэмюель взял ручку, церемонно вывел свою подпись на последней странице. «Отец Сэмюель Прескотт».

Уолтер, видимо, решил следовать примеру отца Сэмюеля. Он не прочел ни страницы, и оставил свою подпись сразу, как только ручка по очереди дошла до него. «Уолтер Блэр». Вышло криво.

Норман вздохнул. Он снова посмотрел на контракт, на пункт о рисках, на слово «смерть». Потом подумал об Анне. О ее слабых руках. О том, как она смотрела на него, когда он уходил в последний раз.

Он взял ручку и подписал. «Норман Хокинс». Твердо, без колебаний, как ставил подписи в армии.

Рик собрал документы, аккуратно сложил их в папку и довольно улыбнулся.

— Отлично! Все подписи собраны. Теперь вы официально участники шоу «7 дней до миллиона». Поздравляю! — он выдержал паузу. — Все, кроме вас, Джун. Вы забыли подписать последнюю страницу.

Джун удивлённо подняла брови.

— Правда?

— Правда. Проверьте, пожалуйста.

Джун развернула контракт, нашла последнюю страницу и быстро поставила свою подпись, весело улыбувшись. Рик забрал и её документ, достал из-под стола коробку, поставил ее в центр.

— А теперь попрошу вас мобильные телефоны.

Первым в коробку полетел мобильник Джун, который Рик отобрал у нее еще на входе в комнату.

В октябре в Мэне холодало. На побережье это ощущалось с большей силой. Садясь в вертолет следом за Мэрион, Норман оглянулся через плечо на посеревшее небо, встретился глазами со священником и, передернувшись, поспешил занять свое место.

Вертолет оторвался от земли в 6:45. Облака тяжелым свинцом нависали над лесами Мэна. Первые полчаса полета пришлось на зеленые холмы. Затем лес кончился, и началась вода.

Никто не разговаривал. Норман рассматривал участников и внимательно, и скукаясь одновременно. Он видел, что Джун, лишившись своего мобильного, ступсевалась и стала ощущать себя не в своей колее. Она несколько раз будто порывалась заговорить — по ее лицу нервно пробежала улыбка, — но стоило взглянуть на всем видом выдающую нежелание к беседе Мэрион, как эти попытки пропадали в небытие. Уолтер смотрел в окно. Клод, напротив, старался лишний раз не поднимать голову — кажется, он боялся полетов. Его губы что-то беззвучно тараторили. Будет смешно, если молитвы. По крайней мере, у священника появится друг.

— Ты — блогер? — внезапно подал голос Уолтер. Его взгляд с океана переметнулся на Джун.

— Ага.

— О чем снимаешь?

— Разоблачаю призраков.

Мэрион довольно саркастично хмыкнула, но в шуме, царившем внутри вертолета, никто кроме Нормана этого не расслышал.

— Я доказываю, что их не существует, — продолжила Джун.

— А на маяке тебе-то что делать? — вступил в разговор Клод.

— Есть легенда, что там обитают привидения, — весело оповестила Джун. — Я нашла несколько случаев смертей зрителей в прошлом веке. Три, если быть точнее. Четвертый выжил и попал в психушку.

— Оптимистично, — усмехнулся Уолтер и вновь обратил все свое внимание за борт.

Океан был спокойным, черным. Береговая линия уже исчезла из виду. Звук лопастей бил по барабанным перепонкам. Минуты текли донельзя медленно.

Спустя, как показалось Норману, вечность в тумане проступил силуэт. Сначала это был просто темный столб, потом столб принял очертания каменного конуса с узкой полоской балкона наверху.

Маяк. Старый, сложенный из серого гранита. Он стоял в центре каменной насыпи площадью не более восьми тысяч квадратных футов и занимал едва ли не половину всего острова. Волны, разбушевавшись, врезались в скалы и пеной спадали обратно. Никакой растительности. Сплошные камни, покрытые мхом и птичьим пометом.

Вертолет не сел — некуда. Он завис над водой в стороне от скалистого берега. Лопасты подняли белую рябь. Из люка в океан был сброшен надувной плот, который, щелкнув клапаном, расправился и закачался на волнах.

— Пересадка! — громко оповестил Рик и широко улыбнулся. — Быстро. Друг за другом.

Норман спустился по трапу первым — ловко и не мешкая, — начал принимать остальных пассажиров. Следом за ним на плот попала Мэрион. Затем, без конца беспокоясь за больную ногу, Клод. Грейс. Уолтер. Священник. Последней спускалась Джун. От страха у нее дрожали ноги, на глаза навернулись слезы. В какой-то момент Норману показалось, что Рик сейчас устанет нянчиться с этой девчонкой и пинком отправит ее напрямик в океан. Сэму стоило от всех поблагодарить бога, что до такого не дошло.

Вертолет поднялся, разворачиваясь над островом. Лопасты взбили воду в мелкую взвесь, и на мгновение маяк исчез за этой пеленой — будто его и не было. Норман хмуро смотрел, как машина удаляется, уменьшается, превращается в точку. Точка дрогнула и пропала в сером мареве. Густая тишина обрушилась следом. Только волны бились о скалы — мерно, безразлично, — и ветер свистел в ушах.

Рядом с Норманом стояла Мэрион. Она запрокинула голову, провожая вертолет взглядом, и в ее профиле было что-то хищное — подбородок чуть вздернут, губы сжаты. Что это? Облегчение? Сожаление? Смирение?

— Ну, — сказала Мэрион, когда звук окончательно растворился в океане, — добро пожаловать домой.

Никто не засмеялся.

Плот качался на волнах, тяжелый и неуклюжий. Весла, которые Рик сбросил им вслед, были короткими, неудобными. Норман взял одно, Уолтер — второе, и они начали грести к берегу. Мэрион устроилась на носу, указывая направление. Клод сидел на корме, вцепившись в борта, и его лицо приобрело землистый оттенок. Джун сидела, словно потерянный ребенок, прижимая колени к груди. Сэмюэль смотрел в воду. Грейс просто ждала, не сводя внимательных глаз с приближающегося маяка.

До скал добрались минут за десять. Норман выпрыгнул первым, увязая по щиколотку в ледяной воде, и вытянул плот на камни. Остальные сошли по очереди — кто-то ловко, кто-то неуклюже. Клод оступился и едва не упал, но Мэрион подхватила его под локоть. Старик пробормотал что-то странное — походило на смесь благодарности и проклятия.

Остров оказался еще меньше, чем казался с воздуха. Каменная площадка, усыпанная птичьим пометом и клочьями сухих водорослей, упиралась в отвесную стену маяка. Дверь — тяжелая, дубовая, окованная железом — была приоткрыта. Норман толкнул ее плечом, петли в ответ истошно застонали.

Внутри пахло солью, пылью и чем-то еще — сладковатым, затхлым. Кажется, именно так пахнет старость. Первая комната была круглой, как и сам маяк. Стены — грубый камень, кое-где покрытый побелкой, которая облупилась и осыпалась на пол. Посреди комнаты стоял длинный стол — тяжелый, темный, с глубокими царапинами на столешнице. Вокруг — семь сту-

льев. Разномастных. Кто-то явно собирал их по помойкам. Видимо, большего золотая семерка оказалась не достойна.

В углу — камин. Сложен из того же камня, что и стены, с широкой топкой и почерневшим от сажи зевом. Рядом — дровница, кованая, с загнутыми краями. Норман твердо подошел к ней и заглянул. Дров было мало. Поленьев двенадцать, не больше. На два вечера, если топить экономно. Если не топить — холодно. Октябрь в Мэне не шутил. В океане и вовсе можно было отдать концы.

Вдоль стены — комоды. Три штуки, разные. Первый — красного дерева, с облупленным лаком. Второй — серый, металлический, с вмятинами. Третий — просто ящики, сколоченные из досок. Джун подошла к первому, дернула ящик. Он открылся с сухим скрежетом. Внутри оказались банки. Стекланные, с жестяными крышками. Джун принялась выставлять их на стол: консервы, тушенка, несколько банок с фасолью. Всего — двенадцать штук.

— Это все? — спросила она, заглядывая в пустой ящик.

Никто не ответил. Все считали. Двенадцать банок на семерых. Дня на два, если растянуть. Если вечером сегодня и завтра по участнику покинут проект, то хватит и на три. Но каждый понимал — на неделю этого будет недостаточно.

Уолтер открыл металлический комод. Внутри — ничего, кроме запаха ржавчины. Третий ящик — пустой. Грейс тем временем обошла комнату и остановилась у камина. Возле него, на каменном выступе, стояла бутылка. Большая, из темного стекла, с деревянной пробкой. Грейс приподняла ее — тяжелая. Она недоуменно посмотрела на остальных.

Норман подошел, взял бутылку из ее рук, взвесил. Десять литров. На семь человек. На сутки. Если экономить — на полтора. Нужно будет поискать родник или ручей. Иначе — крышка.

Норман поставил бутылку обратно.

— Значит, так, — начал он, но не договорил. Значит что? Сказать оказалось нечего.

Мэрион стояла, задрал голову. Смотрела вверх, на потолок. Норман проследил за ее взглядом. В каменных сводах, почти незаметные, если не искать специально, мигали красным глазки камер. Одна, вторая, третья. По всему периметру.

Мэрион опустила голову, нашла взглядом Нормана. Ее губы тронула улыбка — та самая, саркастичная, которую он уже видел. Она подняла руку и помахала камере. Медленно, почти нежно. Пальцами.

Норман нахмурился и сжал челюсти. Он знал, что они не одни. Знал с самого начала. Но одно дело — знать, и совсем другое — видеть эти красные точки, которые смотрят на тебя, прожигают, раздевают.

«Анна, — мысленно напомнил Норман сам себе. — Два миллиона. Анна. Два миллиона».

— Что, — тихо сказала Мэрион, — не любишь гостей?

Норман не ответил. Он отвернулся, подошел к столу, сел на один из стульев. Стул скрипнул под его весом. Остальные медленно, будто нехотя, начали рассаживаться. Стоило обсудить план на ближайший день. Семь человек. Семь причин сказать «да». Один маяк. И миллион долларов, который пока что казался насмешкой.

За окном — если это можно было назвать окном, узкая бойница в стене — океан бился о скалы. Ветер выл.

Камеры мигали. Никто не говорил.